

XV 70.

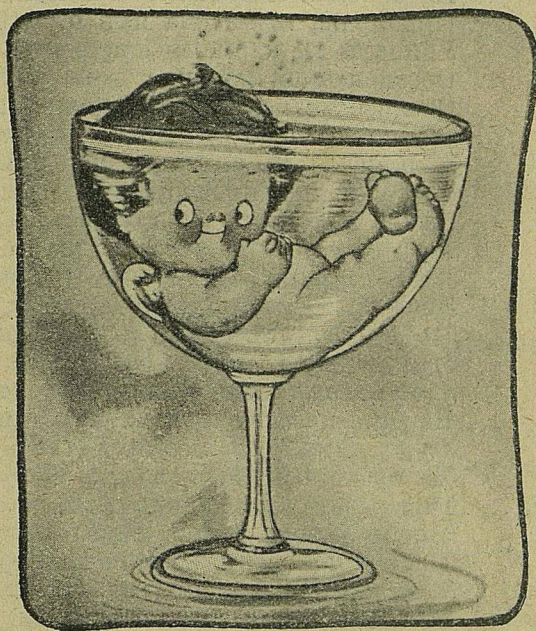
ДЕТСКИЙ МИРЪ

1910

XVI $\frac{25}{10}$

ДѢТСКІЙ МІРЪ

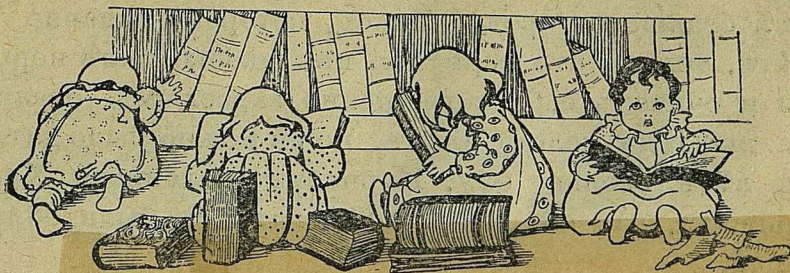

Будьте здоровы!

№ 2-й.

Каждый день по утрамъ заходила она
Къ намъ на дворъ съ своей пѣсенкой вольной.
Беззаботна, какъ птичка и жизни полна,
Вся сия улыбкой довольной.
Звонко пѣсня ея молодая лилась.
Ей бросали изъ оконъ копейки;
Подбирала шутя она ихъ и, смѣясь,
Убирала въ карманъ куцавейки.
Обездоленной жизни и горя дитя,
Она все-же казалась счастливой;
Вѣчно пѣла со смѣхомъ, играла шутя
И плясала съ улыбкой игривой.
Часто съ ней проводилъ я досуги свои;
Зналъ я домикъ ея и лачугу.
Мнѣ она повѣряла всѣ тайны свои,
Какъ старинному доброму другу.
Знаю я, что парила лихая нужда
Въ той лачугѣ сырой и холодной,
Что малюткѣ моей приходилось всегда
Спать ложиться почти что голодной.
Насбираетъ что за день, все тащить домой.
Ну, а тамъ ужъ меньшія дѣвчата,
Да братишка еще, ожидаютъ гурьбой,
Рты разинувъ свои какъ галчата.
Умеръ тятка давно, еще третьей весной.
Мать ушла вслѣдъ за нимъ черезъ сутки;
И остался весь домъ на рукахъ у одной
Этой милой пѣвуньи—малютки.
Вспоминаю я часто дѣвчурку мою,
Какъ она вся весельемъ дышала.
И какъ пѣсенку радостно пѣла свою,
И глазенками бойко сверкала.
И гляжу на другихъ, кто и сытъ и одѣтъ,
И чей жизненный путь такъ приволенъ...
Почему же средь нихъ никого почти нѣтъ,
Кто бъ былъ счастливъ всегда и доволенъ.

Волшебныя бусы.

Глава I.

Загадка въ стихахъ.

— Представте себѣ! Хранить нитку бусъ болѣе 50 лѣтъ! — воскликнулъ Максъ.

— Папа, Расскажи намъ еще разъ объ этомъ, — просила маленькая Христина, карабкаясь на колѣни м-ра Хазельтона, между тѣмъ какъ ея старшая сестра вторила ей, говоря: — пожалуйста, папа, Расскажи.

Дѣло происходило во время лѣтнихъ каникулъ, и вполне понятно, что дѣти были возбуждены, такъ какъ на другой день они собирались ѣхать гостить въ Кресбери, къ своей тетѣ. Домъ, въ которомъ она жила, былъ старинный, и хотя онъ принадлежалъ ихъ семьѣ съ давнихъ поръ, имъ еще ни разу не удалось побывать тамъ. Тетя Керри отпустила прислугу; поэтому было рѣшено, что дѣти поѣдутъ въ сопровожденіи г-жи Хазельтонъ и Анны, служанки, умѣвшей стряпать простыя кушанья. Кресбери находился въ 4-хъ миляхъ отъ ближайшей желѣзно-дорожной станціи, въ деревнѣ, и поэтому дѣти строили планы о различныхъ пріятныхъ прогулкахъ, пикникахъ и тому подобныхъ удовольствіяхъ, которыми они не могли пользоваться, живя въ пред-

мѣсть большого города. Максъ, которому недавно минуло 13 лѣтъ, только что вернулся изъ школы послѣ первой четверти и считалъ себя совершенно взрослымъ. Эвелина была на два года моложе брата, но ей можно было дать столько же лѣтъ, сколько ему. Курчавая маленькая Христина, говорившая, что ей „половина девятаго“, была общей любимицей.

— Мнѣ кажется, я вамъ все рассказалъ, — замѣтилъ отецъ, смѣясь.

— Еще разъ, еще, — прервала Христина. — Расскажи намъ о прадѣдушкѣ и его ниткѣ бусъ. Тетя Керри общала намъ ее показать, когда мы приѣдемъ къ ней въ гости.

— Когда я былъ маленькимъ мальчикомъ, — началъ м-ръ Хазельтонъ, — мой отецъ часто бралъ меня съ собой въ Крес-бери. Джонъ Хазельтонъ, вашъ прадѣдъ, былъ необыкновенный человѣкъ; онъ любилъ пошутить, отличался изобрѣтательностью и умѣньемъ дѣлать различныя механическія приспособленія, которыя давали ему возможность иногда посмѣяться надъ кѣмъ-нибудь изъ гостей: напр., я хорошо помню старую кровать, на верху которой скрывался механизмъ, состоящій изъ веревокъ и гирь, соединенныхъ съ часовымъ механизмомъ, посредствомъ котораго вся занавѣска по бокамъ и у ногъ постели вдругъ сдвигалась въ самое неурочное время. Я никогда не спалъ въ этой постелѣ, но представляю себѣ удивленіе того, кто въ ней лежалъ. По всему дому можно было найти много всевозможныхъ удивительныхъ вещей. Особенное впечатлѣніе произвело на меня механическое птичье пугало въ саду: я главнымъ образомъ любовался маленькимъ человѣкомъ, ударяющимъ молотомъ по гонгу, — руки его приводились въ движеніе маленькой вѣтряной мельницей. Старый чудакъ былъ противъ того, чтобы отдавать деньги въ банкъ. Большую сумму денегъ онъ хра-

нилъ гдѣ-то въ домѣ; къ счастью, за нѣсколько дней до смерти онъ передалъ ее отцу моему, иначе ея никогда бы не нашли.

— Разскажи про бусы,—торопила Христина.

— О нихъ я только помню,—продолжалъ м-ръ Хазельтонъ,—что онъ показывалъ ихъ какъ-то вашему дѣдушкѣ, говоря, что ихъ слѣдуетъ хранить въ домѣ, пока послѣдній при-

надлежить семьѣ. Это были разноцвѣтныя крупныя бусы, нанизанныя на шнурокъ. Онѣ хранились въ большой роговой табакеркѣ, въ которой, по словамъ тети Керри, хранятся и до сихъ поръ. Сперва мы думали, что онѣ шутить, говоря, что надо хранить бусы въ домѣ до тѣхъ поръ, пока этотъ домъ принадлежитъ нашей семьѣ; но въ послѣдствіи онѣ даже объ этомъ упомянулъ въ своемъ завѣщаніи.

— Какъ смѣшно, чтобы старикъ занимался нанизываніемъ бусъ,—замѣтила Эвелина.

— Онѣ написалъ оригинальный куплетикъ, вложенный въ ящикъ вмѣстѣ съ бусами. Дайте мнѣ припомнить, и я вамъ скажу. Вотъ онъ: „наше таинственное значеніе составляетъ секретъ; вотъ ключъ къ замку, найдите ключъ къ ключу“.

— Какой странный куплетъ!—воскликнулъ Максъ—Повтори, папа.

Куплетъ былъ повторенъ и скоро выученъ двумя старшими дѣтьми. Христина настойчиво повторяла вторую строчку такимъ образомъ:

— Вотъ замокъ къ замку и ключъ къ ключу.

— Что это значитъ?—спросила Эвелина.

— Никто не знаетъ,—отвѣтилъ отецъ.—Одно время мы думали, что эти бусы заключаютъ въ себѣ шифръ—т. е. какой-нибудь тайный смыслъ; но до сихъ поръ никто не могъ узнать его и, полагаю, не узнаетъ. Тетя Керри и вашъ дядя Оскаръ, когда онѣ были живы, полагали, что каждая буса означаетъ букву, напр. аметистъ—а, рубинъ, р, изумрудъ—и, и т. д. Они пытались найти смыслъ по этой системѣ, но это имъ не удалось.

— Можетъ быть, каждый цвѣтъ означалъ букву,—замѣтила Эвелина.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ м-ръ Хазельтонъ, смѣясь,—мнѣ кажет-

ся, было бы трудно найти новый цвѣтъ для каждой буквы алфавита; во всякомъ случаѣ въ ниткѣ бусъ не было болѣе 5 или 6 цвѣтовъ. По моему, это была шутка.

Разговоръ перешелъ къ другимъ предметамъ: къ старинному дому, къ большимъ комнатамъ, къ саду, окруженному стѣною высокихъ деревьевъ, въ которыхъ грачи вили гнѣзда, и ко многимъ другимъ интересовавшимъ дѣтей предметамъ. Когда Максъ пошелъ въ свою спальню, онъ снова сталъ думать о ниткѣ бусъ и заводилъ часы подъ напѣвъ:

— Наше таинственное значеніе составляетъ секретъ.

— Вотъ ключъ къ замку, найдите ключъ къ ключу.

— Мнѣ бы хотѣлось знать, есть-ли здѣсь какой-нибудь смыслъ,—сказалъ онъ про себя.—Можетъ быть, папа правъ: это только шутка.

Эвелина также повторяла куплетъ, ложась спать; а маленькой Христинѣ уже снилось, что они пріѣхали въ Кресбери и нашли тамъ цѣлую комнату, полную удивительныхъ бусъ разной величины и формы.

На слѣдующее утро дѣти встали рано. Максъ удостовѣрился, что звонокъ, фонарь и сумочка съ инструментами были прикрѣплены къ его велосипеду; а сестры смотрѣли, уложены ли ихъ вещи, хотя онѣ должны были выѣхать не ранѣе 10 часовъ. Наконецъ раздался гонгъ къ завтраку, и бросившись въ столовую, дѣти застали мать уже сидѣвшую за столомъ съ раскрытыми письмами на тарелкѣ.

— У меня довольно непріятныя новости для васъ,—начала м-съ Хазельтонъ.—Сегодня утромъ я получила письмо отъ м-съ Гарднеръ, которая спрашиваетъ, нельзя ли ей пріѣхать сюда завтра и остаться ночевать. Ей нужно видѣть вашего отца по важному дѣлу до своего возвращенія въ Индію. Значитъ, я не могу ѣхать въ Кресбери раньше пятницы.

— Мама!—печально воскликнули всѣ хоромъ.

— Ну ее!—воскликнулъ Максъ.—Почему не попросить ее пріѣхать въ другое время?

— Не раньше пятницы! — проговорила Эвелина. — Сегодня еще вторникъ. Цѣлыхъ три дня ждать!

— Подождите,—замѣтила м-съ Хазельтонъ.— Я еще не все сказала. Я получила письмо отъ тети Керри; она пишетъ, что ждетъ насъ, и распорядилась относительно человѣка, который повезетъ насъ со станціи. Почему бы вамъ, дѣти, не поѣхать сегодня? Тетя не уѣдетъ раньше субботы, а Агнеса и я пріѣдемъ въ пятницу днемъ. По моему Максъ достаточно великъ, чтобы выдержать одинъ день путешествія по желѣзной дорогѣ,—тѣмъ болѣе, что всего одна пересадка.

— Конечно!—воскликнулъ мальчикъ, только что благополучно вернувшійся изъ школы, не растерявъ своихъ вещей.—Я присмотрю за вами.

— Я сама могу позаботиться о себѣ благодарю васъ,—возразила Эвелина, недовольная важнымъ тономъ Макса.— Но мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты съ нами поѣхала, мама. Я боюсь тети Керри: она всегда такая строгая и требовательная.

— Тетя Керри всегда добра, Эвелина,—возразила мать.— Я увѣрена, что вы всѣ будете вести себя хорошо эти три дня до моего пріѣзда. Если вы не поѣдете, то я должна телеграфировать тетѣ, чтобъ она насъ не ждала.

— Нѣтъ, поѣдемъ!—воскликнулъ Максъ.—Мы будемъ много гулять и не будемъ мѣшать тетѣ Керри. Кромѣ того, она все-таки добрая: она мнѣ въ послѣднюю четверть прислала денегъ.

— Послѣ нѣкотораго обсужденія рѣшили, что планъ м-съ Хазельтонъ будетъ принятъ.

— Вы можете объяснить, что случилось,—сказала она,— а я ей сегодня вечеромъ напишу.

Прощаясь съ отцомъ, стоящимъ на платформѣ, дѣти ободрились и были въ восторгѣ, что такъ долго ожидаемые каникулы наконецъ настали, Макса можно было принять за отца семьи, отправляющагося съ дѣтьми на морской берегъ, еслибъ не Эвелина, которая все дѣлала по своему, не исполняя многихъ его приказаній. Она взяла на свое попеченіе корзину съ завтракомъ, заботливо одѣлая всѣхъ провизіей.

— Эвелина,—замѣтилъ вдругъ Максъ,—послушай, что напѣваютъ колеса.

— Не знаю,—отвѣтила дѣвочка, смѣясь.

— Вотъ что,—сказалъ Максъ.—Слушай теперь: „Наше таинственное значеніе составляетъ секретъ“.

— Перестань,—воскликнула Эвелина,—эти ужасныя слова все утро не выходятъ у меня изъ головы. Я думала, что избавилась отъ нихъ, а теперь ты снова мнѣ напомнилъ.

— Максъ засмѣялся.

— Подумай, держать въ домѣ эти бусы столько лѣтъ и не знать, заключается ли въ нихъ какой-нибудь смыслъ или нѣтъ!

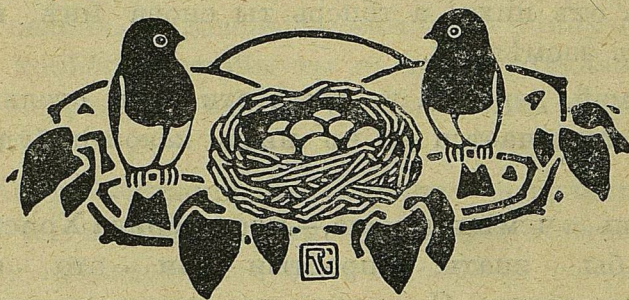
— Знаешь, о чемъ я думала,—проговорила Христина.—Мнѣ хотѣлось бы знать, простыя ли это бусы или драгоценныя камни. Я помню, что какъ-то читала разсказъ объ одномъ бѣдномъ ребенкѣ. Мать его умирала съ голоду. Онъ нашелъ на полу стеклянную бусу, оказавшуюся брилліантомъ; они продали ее, и это спасло всѣхъ отъ голода.

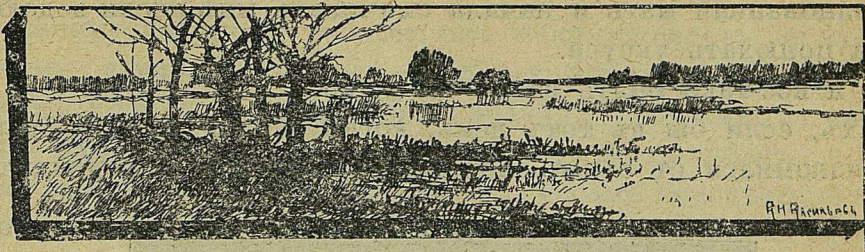
— Какая глупость!—замѣтилъ Максъ.—Одно я могу сказать: что, если нитка бусъ правда дѣйствительно драго-

цѣнна, то тетя Керри и остальные — болваны, что не узнали этого раньше.

Прождавъ около полчасу на соединительной линіи и еще протащившись около часу, поѣздъ остановился въ Барклей-Родъ, гдѣ дѣти должны были выйти. Это была странная маленькая станція, съ однимъ носильщикомъ, который, казалось, соединялъ въ себѣ нѣсколько должностей. Посмотрѣвъ, какъ выставили на платформу велосипедъ и два сундука, Максъ вышелъ черезъ кассу на дорогу. Сонная старая лошадь дремала, впряженная въ небольшой экипажъ, около котораго стоялъ мальчикъ, связывающій кнутъ кусочкомъ веревки.

(Продолжение слѣдуетъ).

ПЕРВАЯ СИГАРЕТКА.

ИЗЪ

„Воспоминанія дѣтства“

Де-Амичисъ.

Это было давно, во дни моей первой юности...

Въ саду, прилежащемъ къ отцовскому дому, я пережилъ ужаснѣйшіе четверть часа, гибельныя послѣдствія которыхъ мучительно отзывались на всей моей послѣдующей жизни.

Совсѣмъ неожиданно для меня деревья и стѣны вокругъ меня заходили, земля подъ моими ногами заколебалась, въ глазахъ потемнѣло, мой умъ омрачился, и я почувствовалъ такую безконечную усталость, что, не будучи въ силахъ болѣе удержаться на ногахъ, я прилегъ на землю и сталъ ждать смерти. Потомъ, немного очнувшись, я съ большимъ усиліемъ поднялся съ земли и, покачиваясь какъ смертельно раненый, дотащился до дому и свалился на постель. Испуганная мать моя подбѣжала ко мнѣ съ разспросами, что со мною, — и тогда я ей покаялся во всемъ.

— Ахъ, несчастный ребенокъ! И ты тоже! Такъ скоро! Ради Бога, никогда больше не дѣлай этого! — воскликнула

взволнованная мать и начала смачивать мнѣ виски водою и дала понюхать уксуса.

А я все-таки опять впалъ въ порокъ!

Ахъ, если бы въ тотъ день, когда я въ первый разъ познакомился съ этимъ порокомъ, я могъ бы предвидѣть,

„Дьяболо“.

къ какому гнусному рабству онъ меня приведетъ; во власть какому глупому, скотско—грубому властелину я себя отдавалъ. Если бы я тогда могъ предвидѣть, сколько лучшихъ силъ тѣла и мысли этотъ порокъ во мнѣ погубить и какому злему разстройству здоровья, часамъ безотчетной грусти, усталости и нервности подвергнетъ; сколько мучительно-безсонныхъ ночей мнѣ будетъ стоять и какіе страшные сны вызоветъ эта несчастная привычка, съ которой я въ этотъ часъ такъ легкомысленно знакомился. Если бы мнѣ тогда въ саду хотя бы на одну четверть часа дана была способность прозрѣть въ будущее, мнѣ бы уже тогда стало ясно, какъ съ прискорбіемъ я убѣдился впоследствии, что безконечное множество неровностей и погрѣшностей моего стиля, а также неясность и непослѣдовательность въ легкомъ сплетеніи идей, будетъ послѣдствіемъ этой привычки; что послѣдняя повлечетъ за собой временное изсякнове- ніе критическаго остроумія, гибкости мысли и способности обнимать умомъ социальную дѣятельность цѣлаго столѣтія. Я бы уже тогда ясно понималъ, сколько разъ въ моей жизни мнѣ придется грубо уклоняться отъ пріятной компаніи, *) отказываться отъ прекрасныхъ зрѣлищъ искусства или прерывать полезныя духовныя занятія единственно для того, чтобы удовлетворять пошлой потребности, къ которой я въ этотъ моментъ насильно принуждалъ свою глотку и свой мозгъ. Я бы также понималъ, что я себя на всю жизнь обрекаю дышать испорченнымъ воздухомъ; что мои книги, платья, рукописи, письма, которые я посылаю во всѣ концы свѣта, будутъ пропитаны запахомъ моего порока. О, если бы я тогда могъ предвидѣть, какую тяжелую борьбу

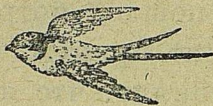
*) Въ Италіи считается неприличнымъ курить въ присутствіи дамъ или въ обществѣ, какъ это безцеремонно дѣлаютъ въ Россіи.

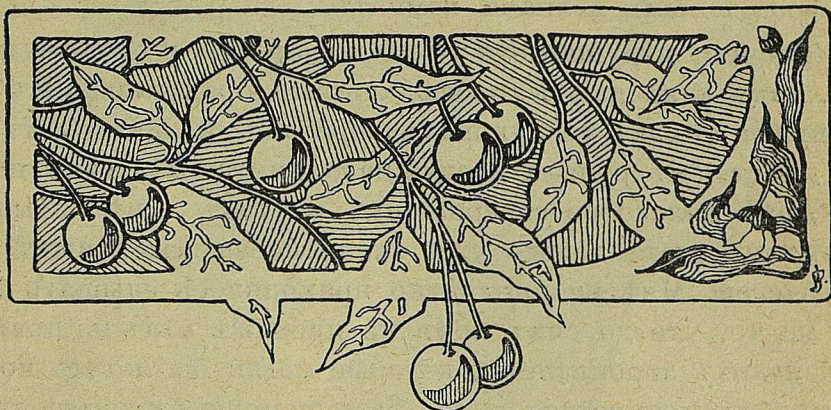
отъ ранней молодости до зрѣлаго возраста мнѣ придется вести, чтобы вновь освободиться отъ этого порока, и что все-таки всѣмъ этимъ усиліямъ, послѣ мѣсяцевъ воздержанія и страданій, суждено будетъ окончиться подлымъ подчиненіемъ врагу.

Въ этомъ грустномъ сознаніи своей виновности моимъ единственнымъ утѣшеніемъ—это видѣть моихъ дѣтей свободными отъ чахотки; но и эта радость мнѣ отравлена угрызениями совѣсти, что я имъ заражаю воздухъ дома, которымъ они дышатъ, и я всегда чувствую въ душѣ глубокой стыдъ, когда я къ ихъ чистымъ губамъ прикасаюсь своими губами, на которыхъ еще не обсохли слѣды моей порочной привычки.

Ахъ, если-бы я тогда все это предчувствовалъ, съ какимъ презрѣніемъ бросилъ бы я этотъ несчастный кусочекъ сигары, который я тогда только еще пробовалъ и который послѣ сорока лѣтъ еще жжетъ мнѣ глотку и совѣсть!

Переводъ съ итальянскаго А. Фонз-Громанз.

МЕЖДУ ДПЛОМЪ

Маленькое вступленіе въ область воздухоплаванія.

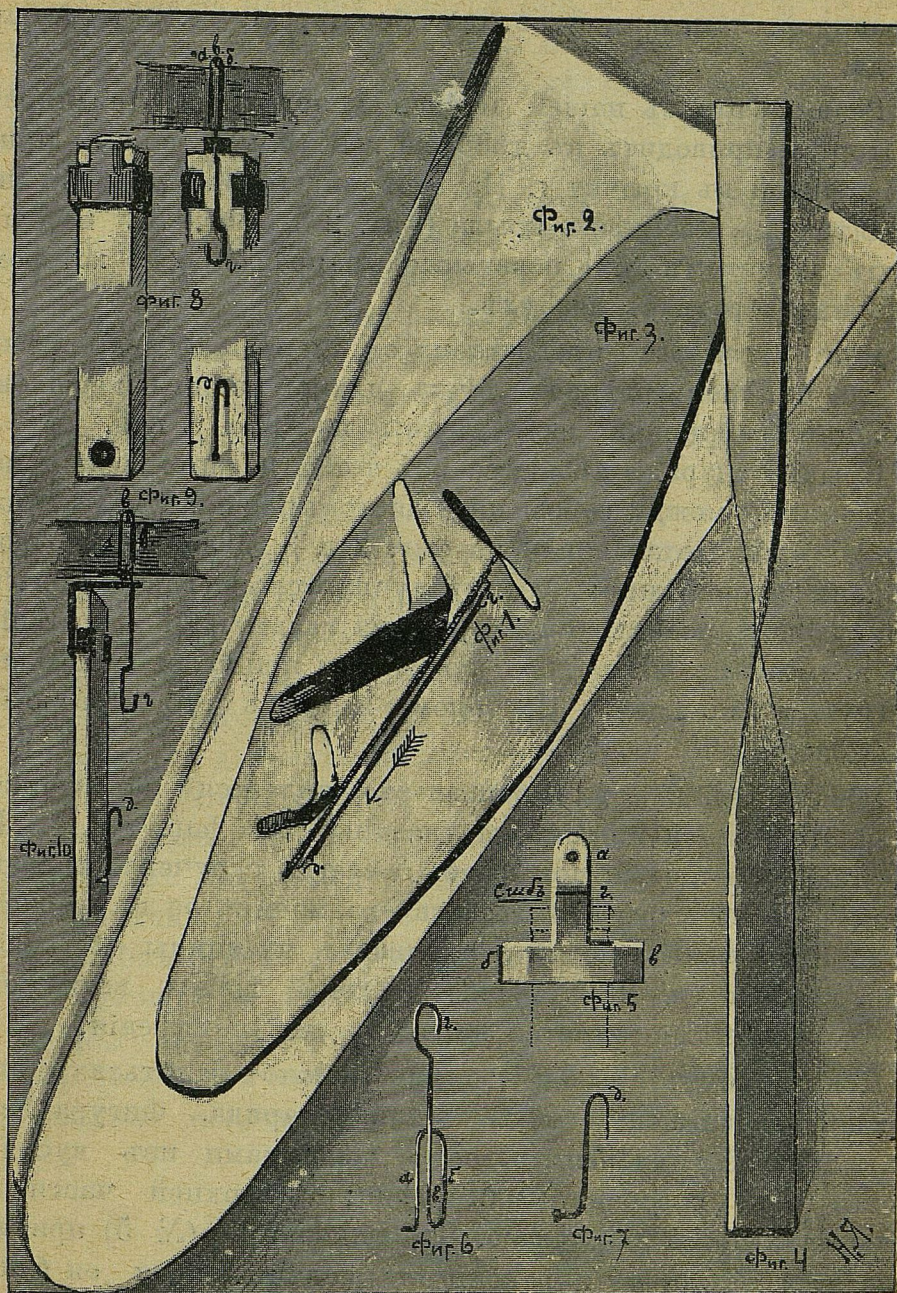
Прошлый 1909 годъ можетъ быть названъ годомъ воздухоплаванія. Онъ былъ ознаменованъ успѣхами въ области летанія по воздуху. Словно сговорившись, ученые разныхъ странъ, одинъ за другимъ, стали преподносить публикѣ различные дирижабли, монопланы, бипланы, планеры и другія летательныя машины. Появились выставки, стали устраиваться лекціи, читаться доклады и сообщенія, какъ по исторіи воздухоплаванія вообще, такъ и по техникѣ этого дѣла и устройству различныхъ летательныхъ снарядовъ. Наша молодежь, въ своихъ увлеченіяхъ аэронавтикой, не только не отставала отъ взрослыхъ, но даже и превзошла ихъ. Игрушки, изображающія разные дирижабли и аэропланы, появились на первомъ мѣстѣ въ магазинахъ и раскупались нарасхватъ. Въ рѣдкомъ домѣ не встрѣтишь теперь маленькаго воздушнаго кораблика, привязаннаго за

ниточку къ потолку и совершающаго свои круговые рейсы по воздушнымъ волнамъ комнать.

Конечно, игрушки эти очень интересны и отчасти полезны, такъ какъ даютъ наблюдателямъ представленіе о различныхъ типахъ воздушныхъ кораблей и знакомятъ ихъ съ дѣйствіемъ руля и воздушнаго винта. Но, тѣмъ не менѣе, онѣ далеко не совершенны, и, какъ мнѣ кажется, удовлетворяютъ только ужъ очень невзыскательныхъ наблюдателей. Мнѣ неоднократно приходилось слышать жалобы на то, что до сихъ поръ въ продажѣ нѣтъ настоящихъ маленькихъ аэроплановъ, которые могли бы летать по воздуху вполне самостоятельно—безъ помощи веревокъ, нитокъ и мочалокъ. Эти жалобы дали мнѣ мысль заняться съ читателями „Дѣтскаго Мира“ постройкой маленькаго аэроплана, который былъ бы не игрушкой, а моделью настоящаго снаряда, и изготовленіе котораго не требовало бы отъ читателей ни затратъ ни особаго труда.

Но такъ какъ всякое новое дѣло слѣдуетъ начинать съ азбуки, то я, для облегченія нашей задачи, и предлагаю желающимъ соорудить себѣ сперва весьма несложный летательный аппаратикъ—модель снаряда, предложеннаго Пенномъ въ 1871 году. Снарядъ этотъ снабженъ воздушнымъ винтомъ, приводящимъ его въ движеніе, и крыльями, которыя даютъ ему возможность плавно держаться въ воздухѣ.

Большинство новѣйшихъ аэроплановъ представляютъ изъ себя усовершенствованный снарядъ Пена,—вотъ почему я и считаю необходимымъ начать работы именно съ него. По виду своему снарядъ Пена походитъ на большую стрекозу; жужжаніе винта во время полета еще болѣе увеличиваетъ это сходство. Взгляните на рисунокъ (фиг. № 1). Вы видите длинную тонкую палочку, на концахъ которой прикрѣплены два крючка г. и д. Эти крючки соединяются

резинкой, намотанной въ два оборота, т. е. въ четыре ряда.

Резинка эта въ нашей модели исполняетъ обязанность мотора и приводитъ въ дѣйствіе воздушный винтъ прикрѣпленный къ крючку г. На верхней сторонѣ палочки находятся два двойныхъ крыла (фиг. 2 и фиг. 3). Стрѣлка подъ рисункомъ № 1 показываетъ направленіе, по которому снарядъ летитъ въ воздухѣ.

Для устройства предлагаемаго снаряда нужна, прежде всего, четырехугольная палочка, длиной ровно 6 вершковъ. Толщина и ширина ея указаны на рис. 8 и 9.

Крылья снаряда дѣлаются изъ тонкаго картона или изъ склеенныхъ между собою пяти листовъ писчей бумаги. Форма ихъ, представленная на фиг. 2 и 3, должна быть сохранена непременно; поэтому лучше всего перевести ихъ на тонкую папиросную бумагу или на кальку. Къ сожалѣнію, за неимѣніемъ мѣста, большое крыло пришлось изобразить согнутымъ пополамъ. На самомъ же дѣлѣ сгиба этого быть не должно.

Воздушный винтъ (пропеллеръ) дѣлается изъ тонкой щепки. Длина и ширина ея указаны на фиг. № 4. По срединѣ эта щепка: должна быть слегка скручена (винтообразно) легче всего это сдѣлать—размочивъ ее въ горячей водѣ и положивъ, послѣ скручиванія, на концы ея какія-нибудь тяжести. Черезъ часъ-полтора щепка высохнетъ и уже навсегда останется въ томъ же положеніи.

Пока сохнутъ крылья и винтъ, можно заняться приготовленіемъ металлическихъ частей снаряда. Фигура № 5 выпиливается или вырѣзывается ножницами изъ кусочка жести (отъ коробокъ) или мѣди; въ верхней части ея просверливается дырочка а. Пластика эта (№ 5) прикладывается къ одному изъ концовъ палочки; края ея б и в

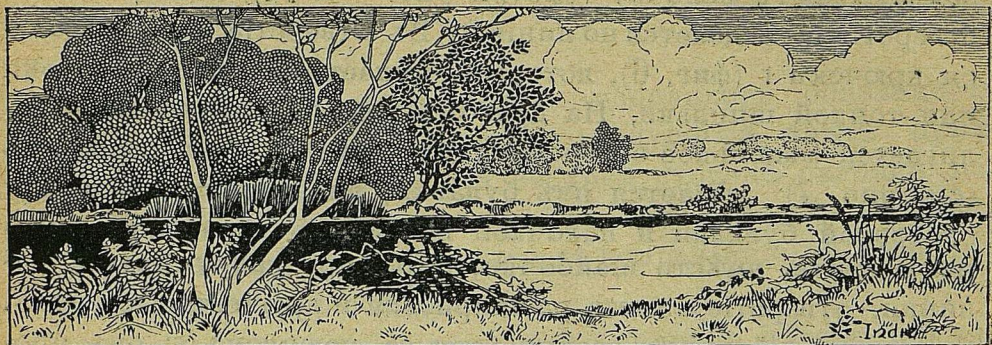
обхватываютъ палочку (смотри рис. 8 и 10), конецъ же съ отверстіемъ сгибается по линіи г. Въ отверстіе а продѣвается крючекъ г (фиг. 6), который дѣлается изъ проволоки или тонкой шпильки. На другомъ концѣ палочки просверливается маленькое отверстіе для крючка д. Самъ крючекъ (см. рис. 7) дѣлается изъ булавки; очень полезно между головкой булавки и палочкой помѣстить маленькій кусочекъ жести, вмѣсто шайбочки, а то, при закручиваніи резинки, отверстіе можетъ расширяться и крючекъ выскочить.

Воздушный винтъ соединяется съ крючкомъ г; онъ просовывается въ петлю а б в (фиг. 6) такъ, чтобы а и б приходились съ одной стороны его, а в—съ другой (см. фиг. 8 и 10).

Крылья прикрѣпляются къ снаряду, какъ показано на рисункѣ 1., и только однимъ краемъ. Они привинчиваются маленькими винтиками или просто приклеиваются столярнымъ клеемъ. Большое крыло должно находиться почти у самаго конца палочки, маленькое—на разстояніи $1\frac{1}{2}$ вершка отъ другого конца. Затѣмъ, какъ было уже сказано, на крючки г и д наматывается резинка,—и снарядъ готовъ. Для того, чтобы пустить его въ ходъ, нужно закрутить резинку. Дѣлается это слѣдующимъ образомъ: весь снарядъ берутъ въ лѣвую руку, а указательнымъ пальцемъ правой руки начинаютъ вертѣть воздушный винтъ. Послѣ 120-150 оборотовъ резина скручивается довольно сильно, и снарядъ съ помощью ея можетъ пролетѣть 30—40 сажень. Тогда весь снарядъ берутъ въ правую руку и даютъ ему легкій, едва замѣтный толчекъ впередъ, по направленію, указанному стрѣлкой; а потомъ, если угодно, бѣгутъ ему вдогонку.

Н. ЯКУБОВСКІЙ.

Печальная повѣсть о „ЗЕМБО“.

СЛОНЪ МОСКОВСКАГО ЗООЛОГИЧЕСКАГО САДА.

(Окончаніе).

Мало пожилъ на бѣломъ свѣтѣ могучій „Зембо“! Всего сорокъ лѣтъ. Его сотоварищъ по саду — слонъ „Мавликъ“ умеръ шесть лѣтъ тому назадъ стасорокалѣтнимъ старцемъ...

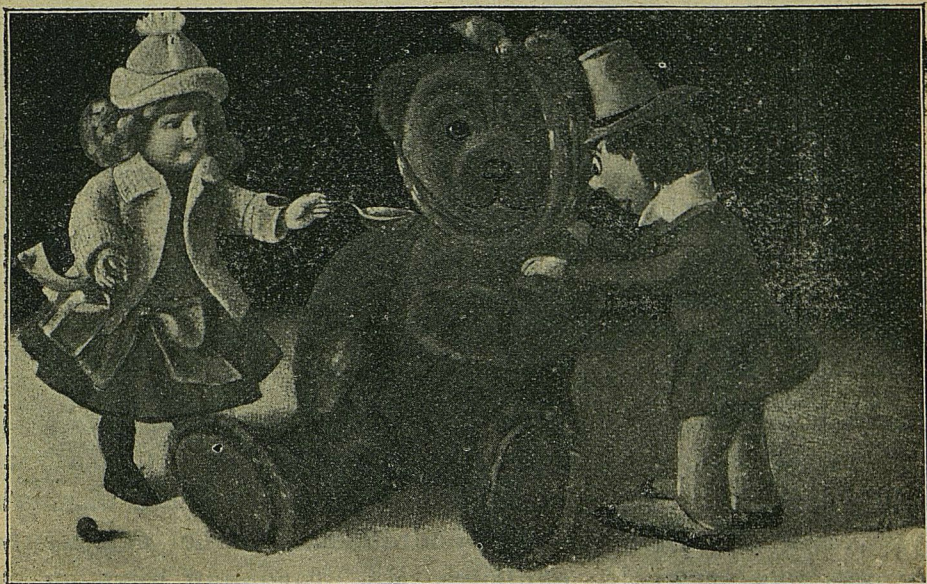
„Зембо“, подобно всѣмъ слонамъ и многимъ другимъ животнымъ въ неволѣ, изъ года въ годъ въ извѣстные мѣсяцы — съ сентября по декабрь — сильно буйствовалъ. На то имѣлись опредѣленные причины, непреложный „законъ природы“.

Въ эти мѣсяцы 1908 года я его наблюдалъ почти ежедневно. Замѣтно было, что ему ужасно тяжело, что какая-то сила заставляетъ его рвать и метать. Онъ пребывалъ въ столь изступленномъ состояніи, что всѣ эти дни сторожъ — любимецъ „Зембо“ — ни разу къ нему близко не подходилъ.

„Зембо“ не могъ устоять спокойно: весь день онъ нервно качался изъ стороны въ сторону, обвивши хоботомъ одинъ изъ бивней и временами испуская изъ могучей гру-

ди тяжелые вздохи. Даже и его исполинскихъ силъ не хватало, чтобъ совладать съ собой!

Если бъ всѣ четыре ноги его не были закованы въ цѣпи, „громадныя какъ цѣпи якоря съ броненосца“, онъ безумно метался бы по клѣткѣ, онъ бился бъ объ стѣну, онъ взрывалъ бы желѣзныя плиты пола, онъ раскалывалъ бы бивни о крѣпкіе рельсы, онъ трехстопудовой тяжестью сво-

Мишка боленъ.

его тѣла пытался бы налечь на двери клѣтки—темницы, вырваться на вольную волю. И тогда, если бъ у него была возможность „раззудить плечо“, излить потоки своей ярости,—тогда, можетъ-быть, было бы ему легче... Но цѣпи, эти проклятыя цѣпи!

На головѣ, около ушей, появились двѣ крестообразныя раны, постоянно гноившіяся. Аппетитъ совершенно пропалъ. Онъ теперь ни къ чему не притрагивался, время отъ времени питаюсь только любимымъ блюдомъ—свекловицей, чтобъ хоть этимъ поддержать упавшія силы.

Такъ продолжалось до декабря, когда прошли роковыя мѣсяцы, и „Зембо“ успокоился.

По для всѣхъ, знавшихъ его, было видно, что никогда еще „Зембо“ не чувствовалъ себя такъ плохо, какъ въ эти мѣсяцы 1908 года.

Всѣ ждали чего-то.

И, дѣйствительно, вскорѣ колоссъ занемогъ. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ сторожъ не примѣтилъ, чтобы „Зембо“ ложился: онъ все стоялъ, непрерывно стоялъ.

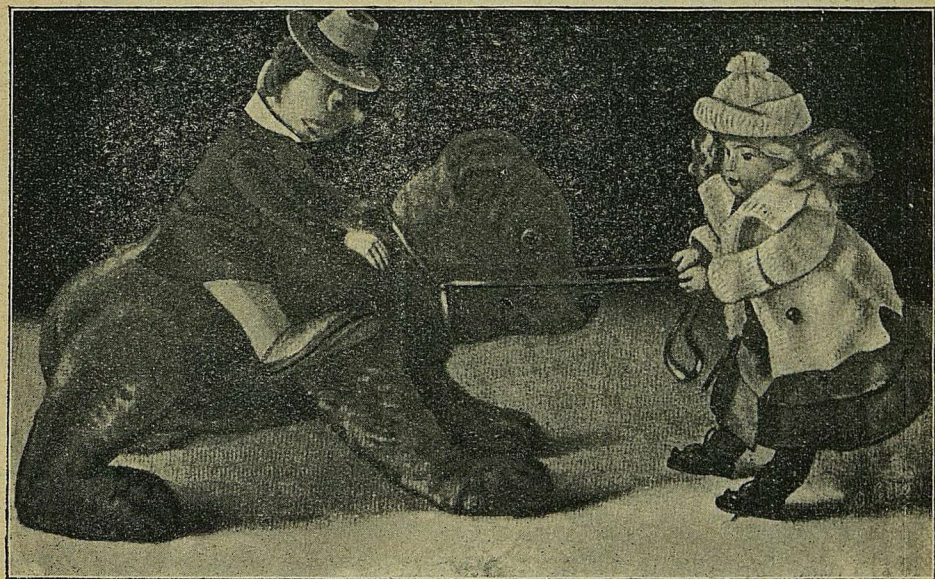
29-го апрѣля 1909 г. это двухмѣсячное стояніе кончилось: ночью „Зембо“ грохнулся и больше никогда въ жизни не вставалъ...

Я лично въ послѣдній разъ видѣлъ его 11-го мая, за восемь дней до его смерти. Наблюдатель сада В. Н. Макаровъ ввелъ меня въ слоновникъ, въ который публика уже не впускалась, стеклянныя двери котораго были оклеены бумагой и гдѣ была создана обстановка, болѣе или менѣе сносная для тяжкаго паціента. Мы говорили чуть ли не шепотомъ.

Вошедши во внутрь клѣтки, мы вплотную подошли къ „Зембо“, ноги котораго были уже раскованы: для людей онъ не представлялъ, какъ раньше, никакой опасности.

То, что мнѣ пришлось увидѣть, едва ли изгладится изъ моей памяти. Всѣмъ моимъ существомъ овладѣла какая-то дрожь, какой-то трепетный ужасъ, обвивающійся вокругъ сердца при видѣ неизлѣчимо-больного, надъ которымъ вѣютъ неумолимыя крылья смерти.

Колоссъ, нѣсколько времени тому назадъ олицетворявшій собою силу и крѣпость, вотъ лежитъ, поверженный въ прахъ, настолько обезсиленный, что сильнѣе его порхающая слабая бабочка или ползающій червь прозябающій..

Мишқа здоровъ.

„Зембо“ лежитъ и положительно не въ состояніи двинуться съ мѣста. Порою дѣлаетъ онъ попытки подняться на нѣсколько вершковъ, но попытки такъ и остаются печальными попытками. У него парализованъ, не дѣйствуетъ хоботь, эта самая важная и необходимая часть тѣла слоновъ. Столь чувствительный, бывало, что умудрялся въ кучѣ сѣна найти крохотную монету; столь сильный, что

ударомъ его слоны легко переламываютъ позвоночникъ у тигра; столь чудесно, наконецъ, устроенный природой, состоящій, по изслѣдованію Кювье, изъ 40,000 пучковъ мускуловъ, перекрещивающихся по всевозможнымъ направленіямъ, — хоботь теперь являетъ жалкій видъ: обвившись вокругъ бивня, словно обнявшись съ нимъ, онъ не можетъ развернуться обратно; онъ высохъ, сдѣлался тоньше; онъ почернѣлъ, точно сгорѣвъ отъ невидимаго огня.

Пищу ему прямо просовываютъ уже въ ротъ, воду вкачиваютъ изъ насоса.

„Зембо“ тяжело вздыхаетъ и стонетъ, но не часто, а изрѣдка: какъ бы принялъ онъ рѣшеніе умереть съ достоинствомъ, величаво, спокойно.

Я вглядѣлся въ глаза умирающаго. Они меня поразили. Странно сказать, но они были веселы! Правдивость вынесеннаго впечатлѣнія подтвердилъ и г. Макаровъ. На насъ глянули очи, полныя не горя, не страданій, а безразличныя глаза съ легкимъ налетомъ оживленія и веселости. Такіе бессмысленно улыбающіеся глаза бываютъ иногда у людей, сошедшихъ съ ума...

Не было силъ у меня дольшездѣсь оставаться... Умри поскорѣе, умный, хорошій „Зембо“! Пусть смерть—избавительница, наконецъ, положитъ предѣлъ твоимъ страданьямъ, царственный узникъ!...

Писатель В. Гиляровскій, видѣвшій „Зембо“ нѣсколько дней спустя, писалъ 17-го мая:

„До слезъ тяжелая картина! Лежитъ громадная сѣрая живая гора...

Жалость смотрѣть!

Съ какою любовью, съ какими нѣжными, ласкающими словами подходитъ къ нему сторожъ и кормитъ его отрубями...

Мучится, страдаетъ громаднѣй „Зембо.“ Иногда закрѣтъ глаза и лежить въ пулузабытьѣ. И думается, что грезится ему его родина: тропическій лѣсъ, вѣтерокъ шевелить косматыя вершины пальмъ, а онъ, маленькій „Зембо“, стоитъ у ручья и втягиваетъ хоботомъ свѣжую ключевую воду... Тишина... Ароматъ цвѣтовъ... Прохлада лѣса...

И умираетъ бѣдный тропическій красавецъ „Зембо“.

Иногда знакомый звукъ доносится: это рыканье львовъ въ другомъ концѣ сада...

Ветеринарный врачъ сада г. Тоболкинъ призналъ, что положеніе „Зембо“ безнадежно. Слону былъ вынесенъ смертный приговоръ.

Было установлено, что слона постигъ, повидимому, нервный ударъ. И не удивительно! Привезенный изъ своей Индіи въ Гамбургъ пятнадцатилѣтнимъ слоненкомъ, онъ затѣмъ служилъ въ русскихъ циркахъ тяжелую службу акробата и, наконецъ, былъ купленъ московскимъ зоологическимъ садомъ, гдѣ прожилъ послѣдніе 20 лѣтъ своей подневольной жизни. Прожилъ! то-есть простоялъ на четырехъ цѣпяхъ длинный рядъ годовъ, видя предъ собою четыре голыя стѣны своей кѣтки—тюрьмы! Это ли жизнь? было отъ чего разнервничаться, загрустить, побуйствовать!

И несомнѣнно, что эта тонкая грусть слона, одного изъ разумнѣйшихъ представителей животнаго царства, сыграла свою роль, помимо другихъ причинъ, въ развитіи болѣзни „Зембо“, сведшей его въ могилу...

Посланъ былъ спѣшный запросъ всемірно-извѣстному гамбургскому зоологическому саду относительно положенія „Зембо“. Послѣдовалъ отвѣтъ, что въ такихъ случаяхъ помочь нельзя и что слѣдуетъ пристрѣлить или повѣсить болѣзною...

Но администрація сада все еще пыталась вырвать „Зембо“ изъ когтей смерти. Пригласили для совѣта специалиста по нервнымъ болѣзнямъ профессора Коротнева.

Вы удивляетесь, какъ это приглашаютъ не ветеринарнаго врача для лѣченія животныхъ?

Мнѣ по этому поводу вспомнилась появившаяся весною 1909 года въ одномъ нѣмецкомъ научномъ журналѣ статья доктора Соколовскаго, „ассистента гамбургскаго зоологическаго парка Гагенбека“, въ которой описывались результаты наблюденій надъ животными парка, и въ которой ученый дѣлаетъ признаніе, что былъ въ первый разъ крайне удивленъ, когда къ больной обезьянѣ пригласили „einen Menschenarzt“ (врача людей).

Да, несмотря на кажущееся безконечное разнообразіе живущихъ на землѣ организмовъ, между ними существуетъ очень большое сходство, которое ученые объясняютъ кровнымъ родствомъ и единствомъ происхожденія всего живого. Много есть общаго между людьми и животными; много есть, очевидно, общаго и между болѣзнями людей и животныхъ...

Профессоръ Коротневъ тоже пришелъ къ заключенію, что спасеніе немислимо, и высказался за то, что пора пресѣчь страданія „Зембо“.

Но какимъ способомъ ихъ пресѣчь? Умертвить слона, этого величайшаго изъ живыхъ существъ, послѣ кита, не такъ легко.

Естествоиспытатель Роменсъ рассказываетъ намъ, что жившій въ началѣ XIX вѣка въ Лондонѣ слонъ „Чени“ въ послѣдствіи взбѣсился и „чтобы покончить съ нимъ, — послѣ того, какъ ядъ былъ испробованъ надъ нимъ безъ всякихъ послѣдствій — вызвали отрядъ гвардейцевъ, который впустилъ въ него 152 выстрѣла“...

И надъ „Зембо“ рѣшили испробовать ядъ: захлороформировать его на смерть.

Ждать дольше нельзя было, ибо бокъ, на которомъ

„Зембо“ все время лежалъ, началъ подвергаться гніенію, и на немъ появились ужасныя пролежни...

Операція умерщвленія была назначена на 19-ое мая въ 8 ч. утра. Наканунѣ „Зембо“ впрыснули 10 граммовъ морфія, успокаивающаго средства. Передъ операціей ему былъ впрыснуть морфій уже въ двойномъ количествѣ. Черезъ часъ начато было хлороформированіе, т. е. усыпленіе „Зембо“ колоссальной дозой хлороформа, смертоносной жидкости. На хоботъ было вылито $2\frac{1}{2}$ килограмма хлороформа (килограммъ—около $2\frac{1}{2}$ русск. фунтовъ).

Черезъ полчаса пульсъ слона съ 70-ти понизился до 44-хъ ударовъ и постепенно все слабѣлъ и слабѣлъ.

Часъ спустя „Зембо“ пересталъ жить...

Въ 1 часъ дня хирургъ вонзилъ свой ножъ въ трупъ „Зембо“: началось вскрытіе. На вскрытіи присутствовали ученые—зоологъ проф. Кулагинъ, невропатологъ проф. Коротневъ, директоръ сада В. А. Погоржельскій, врачи, ветеринары. Всего собралось человѣкъ сто, ибо больше зданіе слоновника не могло вмѣстить.

Вскрытіе продолжалось цѣлый день.

Отдѣльные органы „Зембо“ тутъ же взвѣшивались. Въ сердцѣ оказалось вѣсу—1 пудъ 30 фун., въ печени—2 п. 33 ф.

Присутствовавшій на вскрытіи корреспондентъ газеты „Русское Слово“ пишетъ:

„Вечерѣтъ. Темнѣтъ. Работа прекращается.

—Куда же дѣнуть мясо?..

Кто-то предлагалъ употребить его на пищу другимъ звѣрямъ.

— Нельзя. Служащіе взбунтуются. Въ 1905 году... мяса не было, хотѣли зарѣзать мула, но служащіе не позволили, да и звѣри ѣсть не будутъ. Опыты показали.

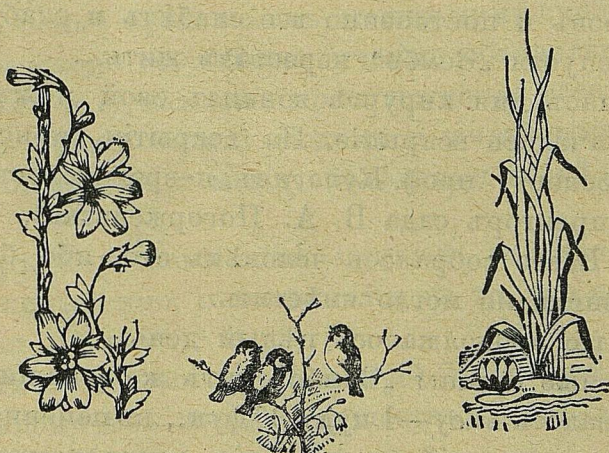
Въ сторонѣ отъ всѣхъ—человѣкъ въ синей рубашѣ. Хмурый. Это—сторожъ покойнаго „Зембо“.

— Жаль слона-то?

— Еще бы не жаль. Умиралъ-то онъ, словно человекъ...

Скелетъ „Зембо“, вываренный и собранный ученымъ препараторомъ, составляетъ нынѣ украшеніе музея московскаго зоологическаго сада.

И. А. Левъ.

Содержаніе: Стихотвореніе. Н. Я.—Волшебныя бусы. Первая сигаретка. Переводъ съ итальянскаго А.Фонъ-Громанъ.—Между дѣломъ. Н. Якубовскій.—Отъ редакціи. Объявленія.

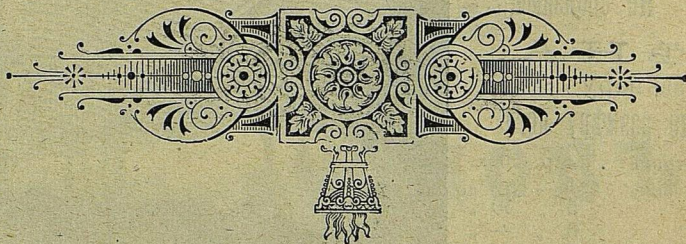
Москва, Тип. Филатова. Срѣтенка Колок. пер. д. Малюшина.

Редакторъ-издатель Н. И. Фиделли.

Отъ Редакціи.

Для удобства г.г. подписчиковъ (не состоявшихъ подписчиками въ 1909 г.) и въ виду поступившихъ въ редакцію многочисленныхъ заявленій, послѣдніе 12 выпусковъ Энциклоп. Словаря, которые значатся въ программѣ, будутъ имъ замѣнены 12-ью первыми.

Лица, подписавшіяся до 15-го декабря 1909 г., получаютъ всѣ 24 вып. Э. С. по мѣрѣ выхода ихъ.

СТРАДАЮЩИМЪ
ХОЛОДНЫМИ НОГАМИ

Охотникамъ
наѣздникамъ
Лыжникамъ и
Малокровнымъ,

Необходимо носить
наколѣнники

„ГРѢЙ!“

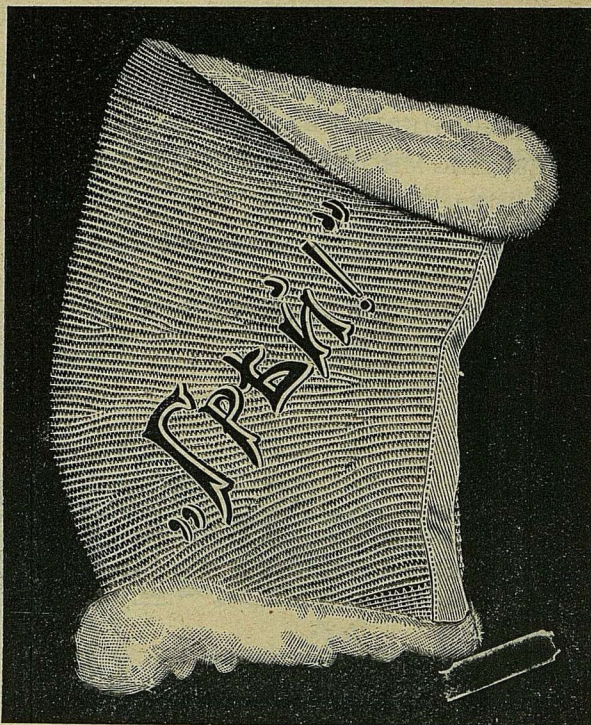
на шерстяномъ пуху
самоогрѣвающие,
Не сползающіе.

ЦѢНА

за пару

смотря по размѣру ноги.

35 Сантиметровъ .	4 р. 50 к.
38 ”	5 ” — ”
40 ”	5 ” 50 ”
42 ”	6 ” — ”
Болѣе 42 сантиметр.	6 ” 50 ”

Бандажистъ Г. ШВАРТЦЕ. Москва, Маросейка, 15. Тел. 90-20.

ТИПОГРАФІЯ И ПЕРЕПЛЕТНАЯ

Ф. И. Филатова.

Москва, Срѣтенка, Колокольный пер., д. 26.

Пріемъ заказовъ: на разнаго рода типограф.
работы, конторскія книги и приним. переп.
летъ журналы и книги

ЛѢЧЕБНИЦА И. И. ГИМИЛЛЕРЪ

Москва, Н. Багманная, д. 14.

для
страда-
ющихъ

ЗАИКАНИЕМЪ

При лѣчебницѣ ПАНСІОНЪ. — ПЛАТА ПО ИЗЛѢ-
ЧЕНИИ. — Условія лѣченія высыл. бесплатно.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЬ

Дѣтскіе Наряды

М. Половъ.

(Бывш. РУСАНОВЪ и ПОЛОВЪ).

МОСКВА, Кузнечій пер., (Мостъ) № 4.

Иллюстрированный Прейсъ-Курантъ
высылаю бесплатно.

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

THE LONDON

THE LONDON

THE LONDON

THE LONDON

THE LONDON

THE LONDON

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1910 г.

(4-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

на популярно-образовательный и литературно-художественный иллюстрированный журналъ для дѣтей 9—12 лѣтняго возраста.

ДѢТСКІЙ МІРЪ

Большая золотая медаль на выст. въ Марсели 1908 г.

— Пхвальный листъ на выст. Искусство въ жизни ребенка. С.-Петербургъ 1908 г. —

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ.

24 книжки журнала, содержащихъ по 32—48 страницъ богато иллюстрированы. текста.

24 книжки приложений.

3

рубля
въ
годъ
съ дост.
и перес.

на $\frac{1}{2}$ года—1 р. 50 к.,—на 3 мѣс.—75 к.,

Москва, Малая Лубянка, № 20, телефонъ № 15-03.

Редакторъ-Издатель Н. М. Биделли.

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ

1. Лица, адресуящіяся въ редакцію съ разными запросами, прилагаютъ для отвѣта 7-ми копеечную марку или открытое письмо.
2. Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позднее полученія слѣдующаго №.
3. Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію, при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При перемѣнѣ адреса уплачивается 30 коп. До полученія денегъ, контора продолжаетъ высылать журналъ по старому адресу.
4. Рукописи, присылаемыя въ редакцію, должны быть четко написаны и снабжены подробнымъ адресомъ автора. Принятые рукописи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются.
5. Желающіе получить рукописи обратно должны присылать почтовые марки для отсылки рукописи. Рукописи меньше одного листа уничтожаются.